

Российская Православная Церковь

СУЗДАЛЬСКИЙ ПАЛОМНИК

№ 1

ДЕКАБРЬ

Царьконстантиновский собор
г. Суздаль

1990 г.

**Печатается по благословению
преосвященнейшего Валентина,
епископа Суздальского и Владимирского**

ДНИ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МОСКОВСКУЮ ПАТРИАРХИЮ

Суздальская хроника

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ:

8 декабря 1990 г. исполнился год со дня начала событий, результатом которых стал выход духовенства и прихожан Царьконстантиновского храма г. Суздаля из-под юрисдикции Московской патриархии. После четырех месяцев борьбы прихожан за справедливость в отношении Суздальского духовенства и поисков правды у руководителей Московской патриархии и представителей гражданской власти, после 8-часового стояния верующих у ворот здания Священного Синода в Москве 26 января 1990 г., ответом на которое было повторение насилия и лжи, ставшими принципами руководства «советской церкви» (как называл Моск. патриархию бывший предисполкома Суздаля А. И. Маркин), верующие обратились к Высокопреосвященнейшему митрополиту Виталию, первоиерарху Русской Православной Церкви за границей, хранящей в чистоте и неизменности Святое Православие, с просьбой о включении Суздальского прихода в свою юрисдикцию. 3 апреля 1990 г. Священный Синод Русской Православной Зарубежной Церкви принял постановление об удовлетворении просьбы суздалян, и мы были приняты в лоно истинной — не «советской», «социалистической» или «капиталистической», — а Божьей Российской Православной Церкви.

В связи с годовщиной «необъявленной войны» Московской патриархии против верующего народа (не только суздалян, а, как показали дальнейшие события — и многих других приходов) мы начинаем публикацию материалов, связанных с этой историей, получившей ныне широкую огласку и ставшей примером для одних верующих и поводом к серьезным размышлениям для других.

Моск. патриархия распространяла и распространяет ложь о Суздальском духовенстве и верующих, поэтому молчание наше было бы похоже на молчаливое согласие с ложью. Начиная выпуск «Суздальского паломника», мы предлагаем печатать продолжение этой публикации в последующих номерах. А сегодня, в первом номере журнала — первая глава истории о том, как руководство Моск. патриархии, задумав расправу над Суздальским

духовенством, натолкнулось на твердое стояние верующих за своих пастырей.

7 декабря 1989 г. на епархиальном совете во Владимире архиепископ Валентин (Мишук) сказал настоятелю Цареконстантиновского храма г. Суздаля: «Мы не сработаемся». В тот же день поздно вечером архимандрит получил телеграмму из епархиального управления на свой суздальский адрес, содержащую текст указа архиепископа об освобождении архимандрита Валентина от должности настоятеля Цареконстантиновского храма. Священнику предписывалось ехать в городок Покров к новому месту службы. Верующие, живущие неподалеку от дома священника, заметили неладное: в доме какие-то сборы, подъезжала машина «Скорой помощи»...

На утро 8 декабря в 9 часов был назначен молебен. Приходящие в храм верующие делились друг с другом скорбными догадками и недоумениями. Общий вывод был: батюшку куда-то переводят.

Когда в храм вошел архимандрит Валентин с братией, многие, принимая благословение настоятеля, спрашивали у него, что случилось. Он не отвечал. Едва начав службу, архимандрит Валентин почувствовал себя плохо. Царские ворота закрыли, архимандрита увезли на машине домой. Люди плакали. Игумен Феодор продолжил молебен. Около 10 часов утра к храму подъехал епархиальный микроавтобус, из него вышли священники Владимирского Успенского собора протоиерей Димитрий Нецветаев, протоиерей Сергей Фестинатов, и с ними — клирик епархии архимандрит Юстиниан Саган, все трое — члены епархиального совета. Они успели только войти в притвор. Верующие, догадавшись о цели их приезда, закрыли перед ними ворота основного храма. Часть верующих, оставшихся в притворе, узнав от прибывших, что те приехали принимать приход, удивились — за что снимать нашего настоятеля? Ведь прихожане видели от него только хорошие дела. Назначенный новым настоятелем прот. Димитрий Нецветаев и с ним прибывшие, озадаченные таким поворотом дела, вскоре вышли и через некоторое время вернулись с архимандритом Валентином, вынудив его подняться с постели и идти с ними в храм сдавать дела.

Все прихожане просили разъяснить — что происходит? По какой причине снимают нашего настоятеля? Владимирское духовенство отвечало, что такова воля архиерея, а ему видней. Не удовлетворенные этим ответом, верующие стали упрашивать архимандрита Валентина рассказать им — что же за причина? Почему его увольняют? Уступив просьбам, наш настоятель рассказал изумленным прихожанам, как вчера, 7 декабря, на собрании епархиального совета в присутствии восьми членов архиепископ

Валентин сделал ему выговор (уже не впервые) за то, что он не пишет отчеты с подробностями о своих встречах с иностранцами. Архимандрит Валентин ему возразил, что он по распоряжению архиерея, не принимает туристические группы иностранных гостей по линии патриархии, а о тех иностранцах — личных друзьях, которые посещают его иногда частным образом, он не может писать никаких отчетов. «У Вас не может быть друзей-капиталистов. Мы не маленькие дети, все с иностранцами работаем, и на всех надо писать отчеты» — сказал архиерей. Архимандрит Валентин ответил на это, что он священник, а не доносчик. Тогда архиепископ и заявил: «Мы с Вами не сработаемся», — а вечером наш настоятель получил телеграмму с указом об освобождении от должности. Присутствовавшие члены епархиального совета прот. Дмитрий Нецветаев, прот. Сергей Фестинатов и архим. Юстиниан подтвердили, что все было так, как рассказал архимандрит Валентин. Они привезли и указ на епархиальном бланке — текст наш настоятель прочитал вслух и сказал прихожанам, что он, будучи монахом, должен со смирением выполнить указ Владыки. «Вот ваш новый настоятель, — добавил он, — и вы должны со смирением принять его, а я поеду на новый приход». Вручили аналогичный указ о переводе, уже без всяких объяснений, и игумену Феодору — ему также предписывалось ехать в Покров. Одни верующие громко возмущались, другие плакали — но никто не изъявил согласия с указами и действиями архиерея. Все это носило слишком явный характер насилия и пренебрежения к чувствам прихожан. Неприятно поражала и та холодная назойливость, с которой приехавшие шагали через людское горе и слезы. «Так повелел Владыка!» — и все тут. Самочувствие архимандрита Валентина снова ухудшилось, он извинился и сказал, что не может дольше присутствовать. «Тогда передайте дела старосте, а я приеду завтра утром и приму», — сказал прот. Дмитрий Нецветаев. Наш настоятель ушел, а Нецветаев велел сделать опись имущества. Верующие подняли шум, возмущаясь и требуя архиерея. Решено было написать письмо архиепископу Валентину с просьбой приехать и все объяснить верующим. Письмо тут же написали (короткую записку), присутствовавшие подписались и передали его о. Димитрию; тот пообещал передать архиерею.

Вечером этого же дня приходской совет принял дела у архимандрита Валентина, были составлены приемо-сдаточные акты, оформлены соответствующие документы и справки. Решение церковного совета и верующих было единодушным: никаких новых священников не принимать, дела не передавать, закрыть и опечатать основной храм и службу совершать временно в притворе, добываясь тем временем возвращения нашего настоятеля всеми

законными средствами. На дверях храма повесили объявление: «Храм закрыт по решению двадчатки до восстановления архимандрита Валентина в должности настоятеля».

Мы ждали от архиерея, побывавшего в Суздале за два года всего три раза, разъяснений и отмены несправедливых указов, по нашей единодушной просьбе. Нельзя сказать, что мы все очень надеялись на мирное урегулирование конфликта — ведь к сожалению, с фактами необоснованного перевода священников (за проповедничество, за налаживание приходской жизни, за веру) руководством Московской патриархии многие верующие были знакомы по рассказам соседних приходов епархии, по вестям из других мест. Алчность епископов, нарушение ими норм не только монашеской, но и общечеловеческой морали не были для многих прихожан секретом. Еще свежа была память о предшествующим архиереях Серапионе (Фадееве), который не давал приходу Суздаля свечей, требуя дани из храмовой казны; его бесчинства, грубость, сквернословие и пристрастие к спиртному не могли укрыться за стенами архиерейского дома и порою принимали причудливые формы: так, он на «вечеринках», как рассказывали в епархии, заставлял иподиаконов залезать под стол и кукарекать. Пренебрежительное отношение архиереев Моск. патриархии к верующим, к церковной службе, незнание ими Церковного Устава, тоже были печальной реальностью церковной жизни. Архиепископ Валентин (Мищук) в один из своих приездов в Суздаль в Великом посту причащал младенцев за Литургией Преждеосвященных Даров, верующие заметили это и недоумевали: как же может епископ не знать того, что знает об Уставе верующая бабушка? Частое посещение епархиальным духовенством суздальских ресторанов и их поведение там также не укрылось от глаз прихожан. И вот теперь один из завсегдатаев питейных заведений — о. Сергей Фестинатов — приехал «принимать приход»!... Во время празднования 1000-летия Крещения Руси в Суздаль приезжали молиться в составе патриархийных экуменических делегаций даже буддисты. Старушки, глядя на их нехристианское обличье и одеяния, только крестились. На фоне этих, обычных для Моск. патриархии явлений, наш храм представлял собою островок теплой молитвенной жизни, проникнутой единством верующих и духовенства. Теперь же собирались резать по живому. Архимандрит Валентин прослужил в Суздале 16 лет, восстановил из сущих развалин три храма, собрал стадо Христово и заботливо окормлял его, оберегая от всякого еретического влияния, даже если его пыпались оказать на прихожан архиереи. И прихожане привыкли к этой заботе настоятеля прежде всего о Церкви, о Православии, о спасении пасомых. Отстранение духовного отца от прихода, пастыря от стада, со всей

очевидностью показало верующим, что ждет Суздальский приход, к чему приведет его Московская патриархия: неминуемо должно было повториться то, что было в Суздале до приезда архимандрита Валентина. Храм тогда стоял в развалинах, прихожан становилось все меньше, священники менялись чаще, чем времена года, а в последние пять лет перед приездом архимандрита храмового священника вообще не было — приезжали откровенные наемники из Владимирского Успенского собора. Церковный дом представлял собою падающий сарай, и в нем пришлось жить архимандриту в течение трех лет (однажды упала стена, в другой раз провалился потолок), пока он не построил новый двухэтажный церковный дом. До приезда архимандрита Валентина в Суздаль ни о какой приходской жизни, ни о каком сохранении традиций Суздаля, бывшего в сравнительно недалеком прошлом крупнейшим религиозным центром, не было и речи. К этому времени даже имена Суздальских святых были забыты Церковью, а их мощи лежали в коробках из упаковочного картона в хранилищах музея. И не произойди тогда встреча последних суздальских монахинь и инокинь — уцелевших в вихре строительства светлого будущего — с архимандритом Валентном, — мы бы не знали уже ни служб, ни тропарей, а может быть даже и имен наших святых угодников Божиих и молитвенников Суздальской земли...

Вечером же 8 декабря верующими было написано еще одно послание архиерею с просьбой оставить в Суздале архимандрита Валентина, учитывая его труды для Церкви и нашего города, принимая во внимание его немолодой возраст и болезненное состояние, а также уважение и почитание его прихожанами, просящими не разлучать их со своим пастырем. Весть о случившемся очень быстро распространилась в Суздале и в других приходах. Уже в этот вечер суздалянами было поставлено под прошение архиерею немало подписей. Предполагалось вручить это письмо архиерею в воскресенье, 10 декабря, во время его приезда в Суздаль по нашей просьбе.

На другой день, в субботу — 9 декабря — иеромонах Иринарх и иеродиакон Иоанн, оставшиеся в нашем храме (их оставили временно, а потом тоже переведут, как сказал Нецветаев) отслужили в притворе обедницу, и был прочитан акафист Суздальским святым. Многие молились со слезами на глазах — за закрытыми воротами почивали недавно обретенные стараниями архимандрита Валентина святые мощи Евфимия и Евфросинии Преподобных — великих угодников Суздальских. С особенным чувством зывали к ним сегодня прихожане: для нас и нашего духовенства настали дни испытаний и скорбей, все чувствовали это сердцем. После службы начали читать вслух написанное накануне письмо архиерею.

рею, и именно в эту минуту прибыли вчерашняя «тройка» из Владимира — «принимать» имущество храма и дела.

Прот. Димитрий Нецветаев и прот. Сергей Фестинатов самоуверенно и привычно продвинулись вперед, подобно фарисею из притчи, они уже хотели выглядеть хозяевами положения; архим. Юстиниан остался сбоку, поближе к дверям. (Потом он в числе прочих напишет в рапорте архиерею, что «хулиганы» его обижали...). У дверей остались еще двое неизвестных из их компании.

По окончании чтения письма, верующие, плача, стали говорить, что нам не надо никакого другого настоятеля.

(Продолжение следует)

Примечание: при написании хроники использованы документы и материалы архива Цареконстантиновского храма, магнитофонные записи и видеофильмы, статьи центральной, местной и зарубежной прессы о событиях того времени, беседы со свидетелями и очевидцами событий, а также дневник, который вели прихожане с первого дня конфликта.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

При Цареконстантиновском храме г. Суздаля с сентября 1990 г. работает воскресная школа для детей и взрослых. Дети разделены на две возрастные группы: первая — от 6 до 9 лет, вторая — от 9 до 16 лет. Ребята изучают Закон Божий, краткий курс Церковной истории, разучивают духовные стихи и песни, учатся самому главному христианскому деланию — молитве. Взрослые занимаются отдельно. Занятия проходят насыщенно и интересно как для преподавателей, так и для учащихся, число которых все возрастает. В настоящее время школу посещают 20—25 взрослых и до 80—90 детей. Очень остро ощущается нехватка помещения, особенно для детей, которые принуждены усаживаться в трапезной Скорбященской церкви за четырьмя столами и — рядом с купелью для Таинства Крещения — на лавочках, без столов. Писать урок трудно, а малышам приходится рисовать, держа тетрадки на коленях. Церковный совет и духовенство Цареконстантиновского храма неоднократно обращались в городской совет с просьбой передать верующим помещения гаражей, которые в прежние времена были церковным зданием (они находятся рядом с храмом), однако ответа не получили. А ведь для гаражей, принадлежащих горисполкому, предусмотрены помещения под зданием горсовета, но они пусты. Неясно, почему для наших же,

суздальских детей и для благотворительного центра жалеют даже гаражей, не говоря уж о чем-то более приспособленном для обучения и молитвы. Конечно, мы не теряем надежды получить положительный ответ, но пока занятия проходят в духоте и тесноте — зато не в обиде, ведь в школу принимают всех желающих!

Референт Управляющего Делами
Суздальского Епархиального Управления
А. ОСЕТРОВ

О РЕГИСТРАЦИИ ПРИХОДА И СУЗДАЛЬСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Указом Высокопреосвященнейшего митрополита Виталия, первоиерарха Российской Православной Церкви, в Суздале учреждено Епархиальное Управление. Управляющий Делами назначен Экзарх Архиерейского Синода Российской Православной Церкви, настоятель Цареконстантиновского собора г. Суздаля архимандрит Валентин.

Согласно законодательству, необходима процедура регистрации прихода и вновь образованного Епархиального Управления в органах власти. Ни приход, ни Епархиальное Управление до сих пор не регистрируются, хотя со времени подачи заявления о регистрации прошло несколько месяцев, а просьба о регистрации Епархиального Управления была подана в Комиссию по свободе совести Верховного Совета РСФСР 27 октября. Ни местные, ни центральные власти ничего не ответили на наши заявления, хотя обязаны были сделать это в течение месяца. За это же время в Суздальском районе зарегистрировано пять приходов Московской Патриархии, приходам же Российской Православной Церкви ответа нет. Где же провозглашенное с высоких трибун равенство? Негоже нарушать законы тем, кто их принимает.

Редколлегия «Суздальского паломника»

ТЕНЬ ИУДЫ

В старинном соборе святого апостола Иакова в древнем городе Ротенбурге, в Германии, есть на хорах алтарь Тайной вечери. Священная история рассказывает нам о последних днях земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. О той вечери любви, когда прежде своих страданий, смерти и Воскресения Христос совершает Евхаристическое Таинство, положившее начало жизни Церкви, Литургическому служению и Причащению Святых Таин Христовых — Пречистого Тела и Крови Его.

События Тайной вечери изображены на многочисленных иконах, картинах, барельефах, скульптурных композициях. В силу своих возможностей, восприятия, веры — художники, пронесшие это событие через свой духовный мир, открывали людям сущность и значимость Тайной вечери. Композиция Ротенбургского собора особенна, и на это указывают и служители этого храма.

В окружении учеников находится Христос, преподающий им Первое Причастие Пречистых Таин Своих, но Его Образ находится хотя и в центре, но как-то в стороне, — а на первом плане в глаза смотрящих бросается другой образ, весьма привлекательный, красивый — образ Иуды. Обычно художники, иконописцы, в красках передавали отталкивающие черты предателя, его греховную страсть, его отталкивающее безобразие.

Здесь же образ Иуды неотразимо прекрасен и великолепен, он как бы затмевает собой остальных учеников. Даже кошелек, наполненный сребренниками, воспринимается иначе, чем на других картинах данного сюжета.

«— Посмотрите, — говорит священник, служащий в этом храме, — это Церковь Христова, она находится со Христом и во Христе, так как Он ее строитель и страж. Но всегда в ее истории, жизни и событиях присутствует Искарот».

Прикрывшись тогой добра, лицемерной доброжелательности, он сеет семена предательства и раздора. То там, то здесь появляется его лицемерная улыбка, ласковые слова... и после них — слезы и горе, гибель души и ее чаяний. Это легко проследить в истории Церкви и народов. В первые века христианства образ Иуды мелькал в темноте римских катакомб, на христианских молитвенных собраниях, после чего следовали аресты и гибель людей, от которых требовали отречения от веры христианской.

Во дни мира тень Иуды Искаротского появлялась то в одном, то в другом обществе, сея разделения и разногласия, ложь,

искажавшую Божественную Правду. Эту тень можно видеть в церкви лукавующих ариан и прочих еретиков, оставивших заветы Апостольской Церкви. Ее, эту предательскую тень, можно было увидеть и в 1054 году — это она потрясла Церковь Христианскую, разделив ее на Восточную и Западную.

Но не успокаивается Искарриот, он уверенно действует и шествует по земле, и вновь слышится отсчет сребренников, а за ним — бряцание оружия, крики и стоны плачущих. Опять видится прекрасная маска добродетели, скрывающая под собой подлинное лицо, либо безобразное и греховное. Вновь и вновь сеются семена Иудина окаянства в малодушных сердцах, вновь и вновь обрастает человек в жизни своей к облаченному в прекрасные одеяния добродетельной жизни образу Иуды, идя по им проторенной тропе, — порой даже не замечания ее пагубности или просто не желая вникнуть разумом своим в суть, обрекая на вечную погибель свою бессмертную душу в вечности.

«По плодам их познаете их».

Утешая смущенные сердца верных, апостол любви, святой Иоанн Богослов, говорил: «Они были среди нас, но были не наши».

Господь допускает совершение этого в Церкви Своей, этим отсеваются плевелы сатанинского прозябения и остается чистая пшеница — преданные Христу и Его Церкви любящие чада.

В новейшей истории нашей Российской Православной Церкви, совсем в недавние времена, мелькнул доброжелательный образ Искарриота, озаренный сияющим одеянием и красотой, дышащий доброжелательностью. В 1927 году вышла Декларация митрополита Сергия. Она была вызвана к жизни желанием спасти Церковь, дать Ей возможность выжить. Но как можно было спасти Церковь человеческими, немощными силами?.. Декларация не спасла Церкви, но она открыла беспрепятственный вход в Церковь, в ее ограду, наемникам и волкам, поработившим Ее. Это они «реконструировали» жизнь Церкви, ее духовность — не на живой вере Христовой, а поставив Ее на фундаменте мертвого материализма и эгоизма, где все покупается и продается ради благополучного бытия земного, а не небесного. И не случайно из груди архиепископа Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева) вырвался крик изумления, когда он услышал от священника, не пожелавшего предать своих прихожан, объяснение: «Я не могу плюнуть им в душу». «Какая душа! Батенька мой!» — вскричал он в присутствии всего Синода, Патриарха, митрополитов и епископов. И все это почтенное собрание одобрительно промолчало.

Теперь Иудины тенета коснулись последнего оплота Церкви — православного прихода, превратив его в «кооператив по выкачиванию денег», по выражению одного священника. Ныне немало

таких «кооперативов», где царит холодный расчет, казенщина, и где идет торговля оптом и в розницу уже не церковной утварью, а душами человеческими, где происходит игра в молитву, в духовность.

«Какую роль играет Церковь в современном обществе?—спрашивает далекий от церковности журналист, как будто речь идет о новой роли известной актрисы. И верховный сановник Патриархии без тени смущения отвечает: «Роль Церкви...» и т. д.

Вот уж действительно — игра, имитация молитв, обрядности, Богослужения. Привычно служит Московская патриархия в оскверненных храмах, совершая поругание Величайшего Таинства—Трепетной Литургии, когда отдает эти храмы на повторное осквернение музеям, праздно публике и научным сотрудникам.

Но жива Церковь Православная, как жива Русь Святая — в тайниках, в катакомбах духовных теплятся лампы живой Веры, жертвенной Любви.

Если православные приходы перестают быть источниками, питающими душу и сердце, сердца и души прихожан становятся жестки и равнодушны. Они равнодушно слушают проповедь и равнодушно покидают храм, равнодушно смотря на смену своих настоятелей — а те, с легкостью, ради богатого прихода и материальных благ, отказываются от своих прихожан. И тут появляется доброжелательный образ Искарюта, его сочувственная улыбка и елейные слова, успокаивающие голос мятущейся совести: «Выполни послушание». Но для кого старается Иуда — об этом как-то не задумываются. А ведь это он покупает души для ада преисподнейшего!

И слышится уже в храмах: «А какая нам разница, кто служит, лишь бы служба была», — так говорят прихожане.

«Какая разница, где служить — везде Бог», — так говорят пастыри Московской патриархии.

Действительно — какая разница: родной сын или пасынок, родная мать—или мачеха, родной отец—или отчим, родной внук—или соседский мальчишка; какая, наконец разница: пастырь—или наемник, волк в овечьей шкуре! Какая разница!

Так идет по православным приходам доброжелательный, расудительный Иуда и говорит: «Не нужно спешить. Зачем нам идти куда-то? Не все ли нам равно? Разве мы можем что-нибудь изменить? Бог милостив, он пожалеет и рассудит, а мы выполним послушание, ведь это — главное, ибо мы творим волю пославшего нас. Иначе мы сотворим раскол, который и кровью не смоется!» И останавливается слабовольный, не доверяет своему зрению и слуху, а прислушивается к голосу Иудина окаянства, обольщается его прекрасными деяниями — и невдомек ему, что сеть Искарюта уже увлекла его и тянет на дно адаво живые души доверившихся ему.

Нам надо быть предельно внимательными, чтобы увидев лицом к лицу завораживающий образ Иуды, его улыбку, услышав его лицемерные слова о любви, дружбе и мире, не растеряться и не пасть. По плодам его можем мы распознать его, кто он есть. Плоды его горьки и отравлены, их горечь вызывает заболевание духовное — рак, подобный раку—заболеванию физическому. Его метастазы незаметно поражают важнейшие органы духовной жизни и здоровые оплоты Православия—наши приходы. И то здесь, то там обнажается рана духовная — но нет врачующих; и напрасно обиваются пороги епархиальных управлений, напрасно тратится время для составления и пересылки бумаг в патриархию, напрасна надежда на уврачевание. Руководители Московской патриархии не могут помочь, ибо сами больны той же болезнью Иудиной и в силу своего расслабления духовного не способны даже отозваться на призывы заболевшего. Поэтому и встретят всюду просящего в патриархии — ложь или мрачное молчание. Исполнятся над такими пастырями слова пророка Иезекииля: «Горе вам, пастыри, ибо вы пасли самих себя».

Будем же молить Господа, Врачевателя нашего и скорого Утешителя скорбных сердец, чтобы Он избавил нас от Иудина окажства и от сетей лукавого. А о тех, кто сделавшись Иудиной добычей, «был с нами, но был не наш» молитвенно воздохнем к Богу, чтобы святой огонь благодати Духа Святого попалил теньта лукавого и просветил их духовные очи, помраченные нечистойю Искарнотскою, и они, прозрев, направили стопы свои на путь истинного служения Святой Православной Церкви ради спасения своей бессмертной души, во исполнение заповедей Евангельских.

НАПОМИНАНИЕ ПРИХОЖАНАМ

Все чаще в храм приходят люди с рассказами о том, как они — или их родственники и знакомые «лечились» у знахарей, колдунов, ворожей, называемых теперь общим словом «экстрасенсы» или проще — «целители». Заявлял о себе в печати даже «союз колдунов России», намекающий на свою спасительную миссию в падшем современном мире. В арсенале средств «целителей» современная техника, телевидение, компьютеры, учение о восточной рефлексотерапии, иглоукальвании и методика «бесконтактного массажа». Однако, несмотря на модернизацию суть чернокнижия

не изменилась со времен ветхозаветных и остается по природе, средствам и целям все той же магией, являющейся фундаментом всех демонических учений во всем мире. В основе магических действий — связь с демоническими силами и гипнотизм, эффект внушения за порогом осознаваемого, т. е. самоуверенное воздействие гипнотизера на ту область человеческой психики, которая сокрыта от сознания людей Богом — разумеется со специальной, Божьей спасительной целью (подобно тому, как Господь заповедывал Адаму и Еве в раю не вкушать запретного плода; нарушение заповеди дало первым людям знание, но не принесло счастья, а отняло у них рай). Изгнав перволюдей из рая, Господь поставил Ангела с огненным мечом охранять дерево Жизни — следовательно, для нас, людей греховного мира, тайна жизни и смерти является тайной за семью печатями, непостижимой для нашего немощного разума, каких бы успехов ни достигала наука на этом поприще. Подателем жизни, по нашей вере, является Дух Святой, хула на которого, по словам Самого Христа, не простится человеку ни в сем веке, ни в будущем. Сколь же губительным оказывается вторжение в эту сокрытую область инструментом гипноза — этой, по-существу, насильной, механической, наподобие топора или лома, методикой!.. Если в молитве мы просим Бога и уповаем только на помощь Божию, то гипнотизер, какими бы фразами он ни прикрывался (это могут быть даже слова молитвы, произносимой пред иконами — причем это именно прикрытие, ради своих, тайных интересов и целей, т. к. гипноз в молитве не нуждается, его суть прямо противоположна молитве), буквально навязывает пациенту те или иные модели поведения, чувствования и представлений, т. е. попросту говоря, веляет демонов в душу человека. Если человек далек от Церкви, от Бога, то возможно улучшение его болезненных симптомов, даже признаки «полного» исцеления, возможны быстрые изменения в тканях организма, имеющие по внешности характер чуда. Однако, практика давно показала, что последующее обращение таких «исцеленных» ко храму, к Богу неожиданно вызывает у них резкое ухудшение самочувствия, бывают судороги, припадки. В обычных случаях «исцеленный», как правило, не может избавиться от нового и странного — и чем дальше, тем более неприятного — ощущения собственной зависимости от той силы, которая дала ему «исцеление». Некоторые не выносят вида Креста, другие не могут слышать молитв без резких, порою физических, неприятных ощущений и т. д. Но возможно и полное, глубокое обольщение попавшего в демонские сети, наподобие глубокого наркоза. В таком случае он становится активным слугою своего хозяина — демонической силы. Его поведение, взгляд, речь — становятся особенными, приобретают остро-навязчивый, или, напротив, от-

решенный характер, резко отличающийся от обычного характера этого человека. Некоторые вступившие на этот путь уже не могут удержаться от «беседы», общения с нечистой силой, подыскивая «нужные слова» для такого разговора (или слыша их как бы ниоткуда), пишут и «записки сатане».

Наше спасение невозможно без Бога и без нашего свободного произволения. Экстрасенс же, знахарь, колдун, ворожея, шаман — вообще ч а р о д е й, открыв запретную дверь в организме человека, вызывает «цепную реакцию» проникновения из области неосознанного в сознание человека неведомых образов и идей, генерируемых, формируемых демонами, которых они туда поселили. По проторенной тропинке в душу человека, тем более неверующего или даже некрещеного устремляются целые полки демонов, с которыми он сам уже не в состоянии совладать.

Такой ценой покупается «здоровье» в магических сеансах, такова цена богоотступления. Наплыв «целителей» в наше время — это и испытание нашей веры, нашей верности Христу и Его Евангельским заповедям. Искренно, глубоко и сильно верующего человека никакой «сеанс» не возьмет. Дух такого христианина, даже если на него ополчится вся демонская сила, останется негибимо верным своему Творцу. Но все ли мы таковы? Праздный интерес к магии может даже регулярно посещающим храм нанести страшный вред, поэтому мы не должны быть ни зрителями, ни тем более участниками никаких магических «сеансов», как бы их ни рекламировали в средствах массовой информации. Упование на возможность «исцеления» у экстрасенса-мага, помимо слабовольной и постыдной дани нынешней всеобщей «моде» на демонизм, есть еще и несомненный признак маловерия. Будем же в молитвах наших просить Господа об укреплении нашей веры и веры наших ближних и раскроем сердца только для Христа — Спасителя и Искупителя рода человеческого.

С. П.

Адрес редакции: 601260 Владимирская обл., г. Суздаль, Торговая площадь, Цареконстантиновский храм.

Ваши отзывы и пожелания помечайте: «для Суздальского паломника».

«ПИСЬМА К ДРУГУ»

Дорогой мой Друг и брат!

Перекидывая листки твоих писем, мне как-то бросилось в глаза, что в них ты постоянно и настойчиво интересуешься моим состоянием здоровья, но тут же резко переходишь на совершенно иную тему. Отчего же это происходит?

На днях, идя в храм, я обнаружил на телефонном столбе, против моего дома, такое объявление: Пропала собака — три ноги, слепая на левый глаз, оторвано правое ухо, хвост поломан, отзывается на кличку «Счастливец». А теперь сравним: сахар в крови неимоверно высок, а отсюда отнимаются ноги, глаза заставляют желать гораздо лучшего, терпнут руки и постоянно адские боли в пояснице, как признают врачи, что у меня хандроз, спондилез и прочие «цветы» из большого букета моей бабушки...

Но а теперь о главном. Тебя интересует, в чем причина столь различного отношения к одним и тем же явлениям исторической действительности? В чем причина столь непохожей оценки одних и тех же человеческих достоинств? И чего больше обнаруживается в этой несхожести—обидной неосведомленности, или прямого недопонимания?

Причина, как я полагаю, таится в различной способности людей воспринимать и осознавать определенные истины. К сожалению, эта способность у разных людей далеко не одинакова. Речь в данном случае идет даже не о степени интеллектуального развития каждого человека, а о его предрасположенности к какому-то конкретному восприятию. Интеллект человека можно развивать за счет систематизации его образования. Но развить искусственно человеческую предрасположенность к какому-либо постижению совершенно невозможно. Это—врожденное качество. Оно не зависит от условия бытия. Это и есть тот дар Святого Духа, который называют некоторые Отцы «очевидной печатью Господа».

Прочитав мою кандидатскую, сделал «открытие», что в деле созидания христианства на долю Павла выпало гораздо низшая роль, чем на долю Иисуса Христа... и «усомнился». Мне весьма интересно знать твое мнение. Разве сам апостол Павел хотя бы где-нибудь утверждал, что-то противоположенное? Разве он предпринимал хотя бы косвенную попытку соперничать со своим Божественным Учителем? Напротив, он всеми силами своего разу-

ма и души проповедовал необходимость неукоснительного следования вечному учению Сына Божьего и Его заповедям. И в своих письменных посланиях ни единым словом не отступил от своей изустной проповеди. Так на каком же основании Ты нашел возможным сделать неожиданный вывод: истинное христианство, которое будет вечно существовать берет свое начало от Евангелия, а не от послания апостола Павла.

К великому моему сожалению ты не подкрепил никакой аргументацией. Для меня остается неясным, почему геология, в значительной мере выросшая из апостольской проповеди и апостольских посланий, должна видеть причину своих «главных» недостатков?» Да и в чем, собственно, состоят эти недостатки?

Первый опыт всестороннего истолкования глубинной сути боготкровенных истин проявился именно в апостольских посланиях. Этот опыт и был первой ступенью богословия, или, говоря на ином языке — теология. Поэтому усматривать в них какую-то «опасность», какие-то «подводные камни» представляется более чем не правомерным.

Да, конечно, христианство, как вероучение, берет свое начало от устного Евангелия Иисуса Христа. Это неоспоримо. Но ведь и апостольские послания ни о чем ином не свидетельствуют. Они только и учат неуклонно следовать Христу: «Прилепляясь Господеви, един дух есть с Господем» (1 Корф. 6,17), — вот подлинный смысл поучения апостола Павла!

2.

Не очень согласен с тобой, ибо то, о чем ты пишешь я понимаю по-иному, а именно: даже самое восторженное славословие тех, кто ищет в искусстве лишь эстетическое наслаждение, свидетельствует о их духовной нищете, о их эстетической ограниченности.

Подлинное искусство всегда было и остается единственным средством духовного единения людей, их неразрывного слияния в одну общую судьбу. Ведь только искусство способно дать человеку возможность увидеть мир не своими глазами, а глазами своего ближнего. А ведь такая возможность и может раскрыть всю многогранность человеческой души. Только она учит понимать подобных себе, помогая обнаруживать в них то ли родственное, то ли враждебное. Именно искусство и только искусство способно раскрыть все потенциальные возможности живущих рядом, основываясь на глубоком понимании даже тех, кого уже навсегда унесло время.

К тому же, искусство — всегда исторично. Ведь человек как личность просто немислим вне своей вековой предистории. Каж-

дый человек, хочет оно того или нет, генетически наследует национальный дух своих далеких предков. Наследует потому, что с самой колыбели впитывает его в себя, как впитывали его отцы и деды. Вот почему для верного понимания современников просто необходимо знать всех их далеких предков. Причем, необходимо знать, не только их фактологическую историю, но и индивидуальные особенности их характеров, их вкусы, взгляды и все их миропонимание.

Решить эту проблему как раз и помогает человеку национальное искусство, потому что только оно способно раскрывать духовный мир человека. Стало быть, объективное назначение подлинного искусства состоит отнюдь не в том, чтобы услаждать утонченные вкусы досужих бездельников. Духовное обогащение, даруемое людям лучшими произведениями искусства, прежде всего и в конечном итоге состоит в постоянно возрастающем понимании человеком своей исторической сущности и своего высшего назначения.

3.

Да, дорогуша моя, все это напоминает мне печальную юность моего далекого прошлого. Я бы советовал не упиваться своим приобретением, какой прок от такого пустого и ничем не оправданного тщеславия? Описанная история мне напоминает некую богатую табакерку в руках тщеславного обладателя, который заслуженную гордость ювелирного искусства превращает всего лишь в кичливую гордость высокой стоимости изделия. И при этом даже не осознает, что его гордость — это вовсе не гордость, а только пустое хвастовство, только ненужное бахвальство.

4.

Милый мой человек! Чтобы правильно понять значение христианства в каком-либо историческом процессе, необходимо прежде всего уяснить, как это вероучение воспринималось в то время широчайшими слоями народных масс. Это очень важно уже потому, что вообще отношение к христианству и его вероучению за всю историю его существования определялось не столько его номинальным содержанием, сколько идейно-философскими и политическими позициями различных его истолкований.

Получалось так, что каждый человек искал в нем только то, что хотел найти, не придавая адекватного значения всему остальному. Каждый обращал внимание только на то, что импониро-

вало его собственным взглядам и представлениям, но почему-то не придавал особого значения самому главному и основополагающему. То есть, люди фактически не следовали за учением, а только приспособляли его к своим мирским потребностям и чаяниям.

При таком отношении, само собою разумеется, разрушалась вся внутренняя целостность вероучения, его нравственная сила и непреходящее историческое значение. Поэтому даже среди прямых исследователей постоянно наблюдалось самое разноречивое отношение ко всем его догматам.

Конечно, всего проще моральную предосудительность поступков некоторых священнослужителей объявить логической несостоятельностью самого вероучения. Именно так и поступали и до сих пор поступают атеисты. Но вряд ли подобное представление способно объяснить необычайную популярность христианства среди народов мира.

Необычайная популярность христианства объясняется тем, что оно никогда не учило ненависти, никогда не пропагандировало насилия над человеком. Напротив, оно учило своих приверженцев безмерной любви к ближним, требовало смирения их гордыни и полнейшей свободы избрания веры. И это очень хорошо понимал каждый, кто не превращал его в средство достижения своих личных целей, в средство утоления жажды своего господства над людьми — удовлетворения всяческих греховных притязаний. А таких в среде священнослужителей было весьма и весьма много, именно поэтому ничто, — ни лукавая беспощадность иезуитов, ни кровавая бесчеловечность крестоносцев, ни зловещие костры инквизиции, — не разрушили христианскую веру и не оттолкнули от нее христианских праведников.

Очень своеобразно и даже несколько необычно пришло христианство на русскую землю. Его пути были путаными и тернистыми. Если в Западной Европе оно проделало последовательный путь от первых немногочисленных общин, постоянно гонимых государством, вернее государственными деятелями добровольных сектантов до могущественного синклита узаконенных кесарской властью проповедников обязательной для всех религий, то в древнерусском обществе все произошло совсем иначе. Сперва христианство было узаконено княжеской властью в виде государственной религии, а уже затем оно стало искать дорогу к упрямым сердцам всех индивидуальных приверженцев.

Вот что удивительно, дорогой мой, что пока христианство было гонимым, вокруг него создавался ореол праведного мученичества, что и располагало к нему всех страждущих. Вероучение само оказывалось в положении Спасителя, жертвенно отдавшего свою жизнь на поругание во имя торжества высшей справедливос-

ти. На русскую землю пришло христианство не как гонимое, а как повелевающее. Оно рассказывало о едином, великом, но очень странном в гнев неведомом для язычников Боге, которого следовало постоянно бояться. Рассказывало о невыносимых мучениях ада, от которых не уйти, если будешь неверно угождать Богу. Рассказывало о вечной каре, преследующей все человечество за первородный грех.

Все это очень трудно вкладывалось в примитивное сознание язычников и больше пугало, нежели располагало для добровольного принятия. Никакого ореола мученичества новая вера не имела. Напротив, за нею легко угадывалась оберегающая и поддерживающая ее княжеская власть. У русских людей в то время еще была очень сильной вера в языческих богов.

Внимание князей привлекало то место нового вероучения, где выражалось требование безусловного смирения и прощения даже врагам своим всяческих обид. Привлекало не потому, что они сами испытывали потребность в таком прощении по отношению к их обидчикам. Нет, они его ожидали себе от тех, кому вольно или невольно, но почти постоянно сами чинили злодеяния, оправдываясь перед собою только тем, что того требовало их положение. А меж тем, и самое положение их определялось чаще всего не волею слепого рока, а их собственным стремлением к господству, к праву беспрепятственного владения людьми.

5.

Да, ты прав, ибо сам глубоко убежден, что ничто так не губит человека, как его стремление к незаслуженному превосходству над подобными себе. Такое стремление возвышает человека только в собственных глазах, но роняет его духовно, потому что любое господство неизбежно отравляет сознание и душу страшным ядом паразитизма. Возможность господства очень скоро перерождается в потребность господства, становится пагубной чертой характера и постепенно вытравляет из человека все человеческое в нем. Страсть господствовать — это не врожденное качество, а приобретенное. И она всегда является результатом либо дурного, либо безответственного воспитания.

Пагубность и греховность этой страсти очень наглядно проявила себя в междоусобных войнах русских князей. Ведь даже сам Великий Князь Киевский Владимир Святославович, утвердивший на Руси христианство, это вечное учение добра и любви, лишь за семь лет до этого исторического события убил родного брата Ярополка в борьбе за собственное господство над людьми. А против самого Владимира, по тем же мотивам, готовил заговор, совме-

стно со своим тестем, его родной сын Святополк. А сколько таких примеров может рассказать русская история?!

6.

О, как правы святые Отцы, которые бичевали страсть господства! Поистине темна и страшна душа единоличных владык и властителей! Неудержимое стремление к господству, тайно или явно вызывает в душе каждого, кто однажды был отравлен его опьяняющим ядом, свои беспощадные коррективы во все его представления, будь то мирские, или религиозные, и подчиняет их полностью, без малейшего остатка, только одной цели. Человек навсегда утрачивает способность сопротивления этой пагубной страсти, он становится ее рабом. И в такое же рабство повергает всех, кого считает своим родным и близким. Всех их он делает прямыми соучастниками своей греховности, даже не задумываясь о пагубности всех последствий такого соучастия. Больше того, приобщение к собственной греховности он рассматривает, как некое благо, творимое ближним, и потому сопротивляющихся подвергает жесточайшему гонению. Начисто утрачивая чувство человеческого достоинства, он низко, а подчас и подло, раболепствует перед всем, что сопутствует достижению главной цели и предельно ожесточается против всего, что мешает достижению ее, без всякого учета совести, чести и даже — кровной родственности. Все свои силы и все способности он безоговорочно подчиняет либо тайному подкупу нужных ему людей, либо — беспощадному истреблению всех неугодных.

И он не может не делать этого. Потому что не только он непоправимо отравлен страшным ядом слепого себялюбия и эгоцентризма. Господство всегда сопряжено с тайным и неумолимо-жестоким соперничеством. Каждый владыка — вечный пленник ненасытной необходимости постоянно укреплять свое господство, чтобы не оказаться хотя бы в чем-нибудь слабее своих потенциальных соперников. Ненасытность такой необходимости все время требует от него все новых усилий и все новых материальных затрат. А это, в свою очередь, постоянно толкает к поиску все новых источников дохода и ко всеусиливающейся эксплуатации уже имеющихся источников.

Именно из такой зависимости и брали всегда свое начало и все жесточайшие войны, и безмерное порабощение всех подвластных людей. А высокая патетика безответственных рассуждений о какой-то там заботе, об искреннем стремлении к благу для всех подданных — всегда бывала всего лишь идеологической догматикой, потому что бесчисленные массы этих же подданных без

всякого стеснения бросались в кровавую мясорубку братоубийственных сеч и побоищ, и жертвы их ничем не компенсировались, кроме уже ненужных почестей для мертвых да туманных обещаний всеобщего благоденствия для их живых потомков.

Безумие единоличного господства всего больше чувствовали подвластные владыкам труженики. На Руси ими были и посадские люди, и прежде всего по сути дела бесправные и беззащитные смерды. Это им приходилось оплачивать своим потом и кровью относительную уверенность в неколебимости своего положения. Конечно, пока укрепление господства владыки совпадало с укреплением национальной независимости, смерды терпеливо сносили свою горькую участь, ибо любили свою землю и были готовы любой ценой уберечь ее от надругательства и разорения. Но когда укрепление господства своевольного владыки выходило за рамки допустимого, в душе смердов начинал пробуждаться бунтарский дух.

В период феодальной раздробленности вопрос об усилении господства удельных князей стоял особенно остро. Усобица предельно напрягала усилия владык по обороне своих вотчин. Поэтому порабощение смердов достигло немыслимого уровня. Из года в год росло их бесправие, бессильное возмущение и все острее становились их взаимоотношения с княжескими ставленниками.

Такой была социально-политическая обстановка, на фоне которой происходила христианизация языческой Руси.

7.

Дорогой мой, ты совершенно неправ, а неправ потому, что новое вероучение пока еще было непонятным, а потому и чуждым. А духовенство представлялось русским людям не более как новыми ставленниками ненавистных князей. Поэтому и само христианство воспринималось как враждебная для народа затея, от которой ничего хорошего ожидать не приходилось. Недовольство росло и постепенно переродилось в откровенный протест, который и вылился в мощное восстание суздальских смердов. Ведь смерды отстаивали привычную им веру, наивно полагая, что лишь она способна вернуть им сносные условия жизни на родной, удобренной прахом отцов и дедов, залесской земле.

Что же касается второго восстания, то оно было менее продолжительным, но более широким и целенаправленным. Оно охватило не только суздальские земли, но перекинулось и на Ростов Великий. Потомки суздальских смердов восстали не за возрождение веры своих отцов, а против «княжеской веры», то есть, — против христианской. Это сказалось в откровенном преследова-

нии духовенства. Именно в этом восстании трагически погиб первый епископ Ростова святитель Леонтий, пытавшийся добрым словом урезонить разбушевавшихся смердов. Да только их гнев оказался сильнее его смиренной проповеди.

Я постоянно повторял тебе, что необходимо стяжать смирение, а злодеяние твоего владыки и его своеволие породит слепое злодеяние истерпевшихся духовенства. Необходимо всегда помнить, то зло никогда не порождает ничего иного, кроме того же зла.

8.

Я полагаю, что серьезное внимание обращает на себя тот факт, что все антихристианские выступления в древней Руси имели все-таки чисто языческий характер. То есть, неприятие нового вероучения и связанного с ним крещения происходило от незнания, а вовсе не от несогласия с его положениями и догматами. Доказательством тому служит отсутствие каких-либо ересей в период его распространения, то было весьма характерно для Западной Европы.

Как известно на Западе ереси возникли почти сразу же с появлением первых христианских общин и явились выражением именно несогласия с вероучением, а вернее сказать — с истолкованием этого вероучения современными его проповедниками. И это вполне понятно, так как общий уровень философской и религиозной мысли в то время был еще не на столько высок, чтобы сразу постичь исходный смысл каждой заповеди Христа и каждого догмата под сильным влиянием еще непреодоленной инерции языческих представлений о человеческой жизни.

Ничего подобного не наблюдалось на русской земле. Первой крупной ересью на Руси было движение стригольников. Но оно появилось только в середине XIV в. Впрочем, это движение тоже имело не русское происхождение, а было занесено с Запада, как предполагают исследователи — из Чехословакии. В течение же почти четырех столетий христианство на Руси не встречало на своем пути никаких идейных оппонентов.

Что касается антифеодальной борьбы в древней Руси, полагаю, то она не имела неразрывной связи с религиозной жизнью народа. В глубине своего сознания русские люди все же проводили резкую черту различия между Богом и кесарем, ни в чем не отождествляя их между собой, хотя внешне вроде бы и верили в божественный промысел происхождения августейшего господства над народом. Возможно, именно поэтому Православная Церковь в России не узнала и реформации, пережитой западным католицизмом.

Терпеливо преодолев языческое невежество диковатой вольницы, она прочно вошла в сознание русских людей, как неотъемлемая часть их национального духа.

9.

Дорогой мой! Ты затронул тему, которая много лет тревожила меня и подчас не давала мне покоя. Дело в том, как мне представляется, что неповторимое своеобразие русского национального характера до сих пор составляет самую неразрывную загадку для множества западных мыслителей.

На протяжении вот уже более десяти лет мне приходится волею или неволею сталкиваться с этими людьми, иметь беседу не-принужденного характера. И вот что я понял: по их мнению, русский человек — это какая-то особая пометь европейского нигилизма с азиатским своеволием. Мол — де поэтому русский человек и не вмещается ни в какие мыслимые стандарты.

Ну о примеси азиатчины — это еще как сказать! Вряд ли региональный подход способен просветить что-либо в сущности национальных особенностей любого народа, а русский — в особенности. А что касается стандартов, то это, пожалуй верно! Для русского человека действительно не может быть никаких стандартов. Это — не стандартный тип человека. Для его возникновения были свои особые исторические предпосылки. Полагаю, что необходимо помнить, что великорусская народность формировалась не из одного национального корня, а на основании взаимной ассимиляции множества самых различных по своему этническому составу племен. Причем следует еще и еще раз подчеркнуть, что это было не смешение племен, не одностороннее подчинение, все же допускающее какое-то преобладание частного над общим, — нет, это было именно взаимной ассимиляцией, в результате которой сплавливалось в нерасторжимое единство все то лучшее, что было свойственно каждому из этих племен в отдельности. Некоторые преобладания сохранялись только за разговорной речью, но никакого преобладания не было в привычках, склонностях, манерах, обычаях, традициях и т. д. Все это, претерпевая самый бережный отбор становилось общим, единым и неотделимым. Только неславянские племена обрусевали, но обрусевали также и неславянские племена, вырабатывая какие-то общие черты национального характера, ранее им несвойственного. Поэтому русский национальный характер стал представлять собою диалектическое единство самых, казалось бы, несовместимых противоположностей.

Так, например, необычайный в своей глубине и силе русский патриотизм отличается самым неожиданно-широким космополи-

тизмом — (интернационализмом). Невероятная широта и хлебо-сольность русского человека вполне уживается в нем с удивительной личной невзыскательностью. Беспредельная доброта и отзвучивость русского сознания безболезненно сосуществуют с его крайней нетерпимостью ко всему враждебному. А его поразительная способность быть преданным не исключает его неумения и неспособности кому-либо поклоняться.

Русский человек во всем антиномичен. Но эта антиномичность несколько не разрушает целостности и твердости его натуры. Русский человек очень последовательный. Однако, его последовательность не статична, а динамична и очень подвижна. Она — прогрессивно-изменчива в своей сущности. Это проявляется в поразительной способности легко и просто отказываться от всего, что достигнуто, во имя только еще составляющего цель стремления, но более нового и кажущегося более прогрессивным.

Эти же особенности русского характера прослеживаются и в отношении русского человека к религиозным верованиям. Упрощенная формула «верующий или неверующий», слишком узка для русского человека. Она абсолютно ничего не способна выявить в сущности его религиозности, потому что даже самый верующий русский — все же не раб своей веры, равно как и самый неверующий — все же не атеист.

10.

Весьма рад, дорогой мой друг, что ты хорошо продумал и еще больше меня порадовало, что ты понял, что русский человек, как никто другой, очень четко отличает божественное от человеческого, в какой бы форме то и другое не проявлялось. Именно это так и никак иначе, ибо русский человек не столько осознает, сколько интуитивно чувствует это различие и потому способен весьма конкретно определять свое отношение и к одному и к другому. Что бы не осуществлялось на земле от имени Бога, для русского человека все же остается земным, а значит — человеческим уделом. Бог для него — это недостигаемо-самостоятельная и потому независимо-беспорная реальность, которая выше любых страстей и упований, выше любых умов и авторитетов. У него имеется неистребимая вера в его всемогущество и очень своеобразная, грубовато-ласковая, но безоговорочно откровенная любовь к Богу.

Я более чем уверен, что православие как раз и явилось той формой христианства, которая более всего соответствовала русскому строю души. Довольно быстрое принятие православия Русью обуславливалось отнюдь не социально-историческими причинами, как это принято полагать, не установившимися экономическими и

культурными связями Руси с Византией, а именно — наиболее последовательным соответствием этой формы христианства русскому национальному характеру.

Лично я не могу представить себе Россию католической или протестанской. А ведь католических миссионеров здесь побывало гораздо больше, нежели византийских и константинопольских. И все же не прижился католицизм на Руси. Не мог прижиться. Потому что был не способен конкурировать с православием, был не способен реформировать собою православную Церковь.

Русской душе оказались чуждой строгая регламентация и юризм католического клира. Оказалась чуждой, доведенная почти до воинской, структура церковной иерархии. Оказалось просто неприемлемым унизительно-подчеркнутое отделение клира от рядовых мирян. И абсолютно непонятым было обязательное посредничество официального духовенства между верующими и Священным Писанием. В таком посредничестве русский человек не мог чувствовать ничего, кроме обидного недоверия по отношению к себе и к своим умственным способностям.

В католичестве русский человек постоянно чувствовал бы себя скованным, приниженным и даже неотвергнутым. Его изводила бы каноническая надменность католических пастырей и поэтому он никогда внутренне не поверил бы в Божественную силу их проповеди.

Православный храм для русского человека — это благостное место умиротворения его души, где можно абсолютно свободно общаться с Богом и всей душой чувствовать дыхание вечности. И в этом общении православный священник — только проводник, только умудренный Божьей благодатью единомышленник и сподвижник.

А католический храм для русского человека — это всего лишь узаконенное церковной властью место для исполнения обязательного долга. Причем и исполнение-то далеко не свободное, а постоянно контролируемое пастырем, который не сподвижник тебе и не единомышленник, а строгий наставник и судья.

Нет, конечно, католицизм не мог найти на русской земле достаточного количества своих приверженцев и последователей. Ему русские люди просто не поверили бы. Он показался бы им чудовищной надстройкой даже над ненавистой княжеской властью. И никакой правды о Боге он, конечно, не мог бы донести до невежественной языческой души русского человека. Руси нужно было именно православие. Только оно могло быть способно стать неотделимой частью русского национального духа и только оно было способно в тех социально-исторических условиях объединить силы и помыслы всего народа для создания единого и мощного государства.

Дорогой мой человек, ведь только с высоты наших сегодняшних знаний и представлений можно легко и просто определить социально-историческую роль, объективно выполняющуюся Церковью в древней Руси. Но в те далекие времена такое определение было просто невозможным. Каждый общественный слой имел свое представление об этой роли. А кое-кто даже пытался навязать церкви по-своему непонимаемую роль. Князья и боярская верхушка искали в ней надежного союзника в своей борьбе за господствующее положение. Торговый и посадский люд ждали от ее все-сильного благословения на труды праведные да на всяческую удачу в личном и торговом промысле. А смерды и безродная голытьба довольствовались только ее утешением. Никто, однако, не оставался равнодушным к ней. Каждый чувствовал, что она очень нужна и даже необходима, что без нее жизнь стала бы невыносимой, потому что утратила бы самое главное — организующее начало, выраженное пастырским благословением.

Внутри самой Церкви, прежде всего в составе ее клира, тоже наблюдалось известное расслоение. Состав духовенства был далеко не однородным, поскольку Церковь находилась в полном подчинении у Константинопольских патриархов. А кроме того, ведь и священнослужители были прежде всего только людьми, а значит и им все земное в общем-то было не чуждым. И если многие из них подчеркнуто отмеживались от мирской суеты, то избежать внутрицерковных, а паче того — внутримонастырских проблем не удавалось никому. Складывалась несколько двусмысленное положение: с одной стороны — полное подчинение греческому патриарху, а с другой стороны — постоянная зависимость от русского мира и от власти русских князей. Поэтому многие из священников древней Руси были просто вынуждены заниматься и экономическими, и политическими проблемами и как-то решать их.

Зело возлюбленный о Господе и дрожайший мой друг! Возможно, именно поэтому и созрела весьма рано идея у русского народа избавить Церковь от Византийской опеки. В 1051 г. князю Ярославу Мудрому впервые удалось во главе Православной Церкви Киевской Руси поставить русского митрополита. Им был бывший пресвитер при церкви в княжьем селе Берестове, под Киевом, Иларион. Судя по всему, Иларион был незаурядной личностью. О его святительском служении, как и вообще о его дальнейшей судьбе, никаких документальных свидетельств не сохра-

нилось. Однако, до наших дней дошло одно из произведений Илариона, созданное им примерно в конце тридцатых годов XI в. и известного под названием «Слово о законе и Благодати».

Это весьма глубокий документ, дающий возможность судить об ораторском даровании его автора, о его необычайно широкой по тому времени эрудиции о безусловной аналитичности его ума. В «Слове» перед нами выступает не просто церковный проповедник, но и мудрый государственный деятель, обладающий острой политической прозорливостью и вместе с тем, — талантливый литератор, в главной мере владеющий убеждающей силою слова.

Мысль митрополита Илариона о равенстве всех народов, — свидетельствует о широкой демократичности и его мировоззрения. А так же о давнем стремлении русских людей жить, не враждую с народами иных стран, а поддерживая с ними самые дружественные и добрососедские отношения.

13.

Да, дорогой мой друг, ты был неправ в своем суждении, ибо по сложившейся традиции, любая церковная проповедь требовала обязательного восхваления княжеской власти. Митрополит Иларион тоже не мог обойти это требование. Но он и здесь остается верен себе и возносит хвалу не просто княжескому господству, а восхваляет деяния князей, прославивших Русь перед другими государствами, то есть выделяет то лучшее, чем **характеризовалась** или могла характеризоваться княжеская власть вообще, что подымало и укрепляло международный авторитет Руси.

В своем слове Метрополит Иларион выражает твердое убеждение, что русская земля никогда не будет поработена чужеземными захватчиками. Чувствуется, что мит. Иларион искренне верит в подвижнический характер русского героизма, верит в беззаветную готовность своих единокровных братьев во Христе в нужный час не пощадить жизни своей за честь и славу родной земли. Молитвой за эту землю и за ее благополучие он и завершает свое слово.

Проникнутое высоким пафосом подлинно русского патриотизма, «Слово» митрополита Илариона могло служить своеобразной программой морального воспитания русского народа. Вместе с тем, оно выражало понимание русским духовенством своего общественного долга. И, наконец, в нем совершенно отчетливо чувствуется явное превосходство церковного благословения, полученного от русского пастыря, нежели — от греческого.

Вот уж ты совершенно заблуждаешься, милейший мой сударь! Тут дело-то не в национальном шовинизме, кстати очень мало свойственном русскому сознанию, — дело в том, что русский пастырь, сам чувствуя в себе генетическую связь с землею отцов, дедов и прадедов, глубже мог прочувствовать сокровенные думы и чаяния русской души, лучше мог понять, что необходимо русскому характеру.

Разумеется, усилий одного митрополита Иларiona было недостаточно, чтобы избавиться от патриаршей опеки Константинополя. Слишком слаба еще была Православная Церковь при Ярославе Мудром. Поэтому контроль константинопольского патриархата еще долго сохранялся над русской Православной Церковью.

(Продолжение следует)

Тираж 500 экз. Заказ 4916.
г. Владимир, типография им. 50-летия Октября.

